

Глава 42. Непристойность

Когда Линь Юймин скомандовал «Снято», многие на съёмочной площадке ещё долго не могли прийти в себя.

Даже те сотрудники, что проработали в киноиндустрии годы и видели сотни интимных сцен, невольно сглотнули, чувствуя, как пересохло в горле.

— А Гу Цинсю-то хорош! — возбуждённо зашептал один из осветителей своему коллеге. — Учитель Гу ведь раньше никогда не снимался в подобных сценах, верно?

— Точно никогда, — уверенно подтвердил тот. — Я видел все его фильмы, ничего подобного там и в помине не было.

— Это же просто невероятно! Он открыл в себе совершенно новую грань. Уверен, когда сериал выйдет, фанаты завалят его просьбами почаще сниматься в любовных драмах. Боже, ну и напряжение... Я ведь просто смотрю, а уже почти влюблён в него!

— И не говори! Я теперь люблю его ещё сильнее.

— Инь Чжоу тоже не подкачал. Между ними такая химия, что искры летят. Режиссёр точно не прогадал с выбором актёров.

— Согласен. С кем-то другим такого эффекта бы не вышло. Я побывал на многих площадках, повидал всякое, но на этой сцене даже я, старый волк, покраснел как мальчишка.

Тем временем из динамиков раздался голос Линь Юйминя:

— Вы двое, пока не вставайте. Я посмотрю запись, вдруг понадобится переснять детали. Всем оставаться на местах, подождите немного.

Режиссёр и Чэнь Сяньвэнь склонились над монитором, бурно обсуждая увиденное.

Инь Чжоу наконец вытащил руку из-под доспеха партнёра. Медленно выпрямившись, он низко опустил голову и сделал глубокий, тяжёлый вдох.

Гу Цинсю тоже убрал руку с его железы. Кадык мужчины едва заметно дёрнулся. Он осторожно придержал юношу за плечо, помогая тому немного отстраниться.

— Ты как? — голос мужчины звучал непривычно хрипло.

Инь Чжоу чувствовал во всём теле странную слабость. Сцена длилась довольно долго, и его железа, которая до этого невыносимо зудела, от интенсивных прикосновений разогрелась. Зуд постепенно сменился приятным теплом, которое волнами расходилось от затылка по всем нервным окончаниям, достигая кончиков пальцев.

Ближе к финалу дубля в глубине чувствительной зоны зародилось какое-то новое, трудноописуемое и почти постыдное чувство. Если бы Гу Цинсю продолжал ещё немного, Инь Чжоу наверняка смог бы распознать его яснее.

Но именно в этот момент Линь Юймин прервал их.

Ощущение ускользнуло, и юноша решил, что это была лишь долгожданная разрядка после мучительного зуда.

Услышав вопрос партнёра, он на мгновение замер, приходя в себя. Чувствуя, как силы возвращаются к нему, он ответил:

— Гораздо лучше.

Гу Цинсю не спешил его отпускать. Его пальцы, всё ещё перепачканные соком трав, легко покоились на плече юноши.

— Когда именно начало чесаться? — тихо спросил он.

Инь Чжоу поднял на него взгляд, полный нескрываемой обиды:

— Почти сразу, как начали. И с каждой секундой всё сильнее. У вас тоже так бывает, когда наклеиваете этот пластырь для железа?

— Нет, — коротко ответил мужчина.

— Неужели подделка? Сестра Ся не могла купить дешёвку.

Они продолжали сидеть на полу, не меняя позы, чтобы не нарушить расстановку для возможных досъёмок. На затылке Инь Чжоу всё ещё лежала каша из трав, и он не решался делать резких движений, опасаясь, что мазь стечёт ему за шиворот.

Спустя пару минут спокойной беседы лицо Инь Чжоу внезапно исказилось.

— Тц... Кажется, снова начинается...

Гу Цинсю бросил взгляд на его шею. Кожа вокруг пластыря, там, где не было лекарства, казалась краснее, чем прежде. Он нахмурился:

— Может, скажем режиссёру? Тебе нужен отдых.

Юноша отчаянно затряс головой:

— Нет-нет, лучше закончим быстрее, и я сорву эту дрянь. Видеть её больше не могу.

От этого резкого движения мазь едва не соскользнула. Гу Цинсю тут же прижал его плечо, возвращая в исходное положение:

— Не дёргайся.

Расстояние между ними снова сократилось до минимума. Собеседник склонился к самому его уху, и его низкий, вибрирующий голос прозвучал для Инь Чжоу неожиданно интимно.

Юноша на мгновение задервенел, но как только актёр закончил осмотр, медленно отстранился.

Однако зуд нарастал с пугающей скоростью.

— Не могу больше... Скорее, потри ещё раз.

Гу Цинсю замер, не зная, как реагировать.

Инь Чжоу, измученный нарастающим раздражением, поторопил его:

— Ну же, чего вы ждёте?

Мужчина понимал, что юноше действительно плохо. Но одно дело — играть на камеру, и совсем другое — в перерыве, на глазах у всей группы, массировать железу другому Альфе, чтобы унять его зуд...

— Дай мне руку, — приглушённо произнёс он.

— Зачем? — не задумываясь, Инь Чжоу протянул ему правую ладонь. Гу Цинсю перехватил его запястье и сам направил руку юноши к его затылку.

— Сделай это сам. Я не знаю, где именно у тебя чешется.

«Да у меня везде чешется, — подумал Инь Чжоу, — мне всё равно, как ты будешь тереть».

Но как только его собственные пальцы коснулись чувствительной зоны, блаженное облегчение мгновенно заглушило все аргументы. Он даже не осознал, что Гу Цинсю фактически вежливо отказал ему в помощи.

— Мазь здесь, — подсказал собеседник.

Из-за того, что юноша действовал вслепую, он постоянно смахивал слой трав. Гу Цинсю приходилось аккуратно подхватывать сползающую кашицу и возвращать её под пальцы партнёра.

При этом он загораживал Инь Чжоу своей широкой ладонью, скрывая его манипуляции от лишних глаз. Со стороны могло показаться, что актёр просто поправляет пластырь для железы.

— Знал бы, что так будет, ни за что бы не согласился это клеить, — проворчал Инь Чжоу, уже в который раз проходясь по всей поверхности железы. Его движения были куда более грубыми и порывистыми, чем нежные касания Гу Цинсю; порой он надавливал так сильно, что становилось больно.

Мужчина порывался было сказать ему, чтобы он был осторожнее, но вовремя осекся, решив не лезть не в своё дело.

— Не наклеил бы? И тебя бы это устроило?

Инь Чжоу на секунду задумался. Ах, точно. Если бы не пластырь, Гу Цинсю пришлось бы касаться его железы напрямую. Это тоже казалось... сомнительной перспективой.

— Совсем забыл об этом. Даже не знаю, что из этого хуже. Если бы мне пришлось выбирать...

Актер замер в ожидании:

— И что бы ты выбрал?

— Тогда уж лучше без пластыря. Я бы предпочёл, чтобы вы касались меня напрямую, чем терпеть эти муки.

В глазах Гу Цинсю промелькнула странная искра:

— Вот как?

— Вы просто не представляете, как это невыносимо. Железа — место крайне деликатное, чувствительное. И чесать его с силой нельзя... Учитель Гу, почему вы на меня ТАК смотрите?

Собеседник вскинул бровь и понизил голос до шёпота:

— Значит, ты всё-таки осознаёшь, что железа — это интимная зона? А я-то грешным делом подумал, что ты об этом и не слыхивал.

— Как можно об этом не знать? В учебнике биологии на первой же странице сказано: железа является одним из половых... органов...

Инь Чжоу медленно моргнул.

«Орган... половой...»

Во время течки Омеги Альфа помечает это место, даря партнёру долгожданное избавление от пожара страсти. Для Альфы же железа — это своего рода священная зона, прикосновение к которой без позволения считается тягчайшим оскорблением.

До юноши наконец дошло. Боже, что он натворил?!

Он только что, на глазах у Гу Цинсю, вытворял со своей интимной зоной невесть что. Более того, он едва ли не силой заставлял Учителя Гу делать то же самое...

Инь Чжоу хранил ошеломлённое молчание.

Железа — орган специфический. Расположенная на затылке, она всегда на виду, её легко коснуться, в отличие от других половых органов, скрытых одеждой.

Будучи пришельцем в этом мире, Инь Чжоу хоть и обладал памятью прежнего владельца тела, всё ещё не до конца синхронизировал своё мышление с местными реалиями.

Когда Гуань Янь атаковал его феромонами, Инь Чжоу ощутил ярость Альфы, чьё достоинство было попрано. Тогда инстинкты взяли верх и нанесли ответный удар. Это была стихийная вспышка.

Но в повседневной жизни он никак не мог привыкнуть к тому, что обычная шея может иметь такое сакральное значение. Для него это была просто часть тела.

И вот теперь, после двусмысленного замечания Гу Цинсю, до него наконец дошло, насколько беспардонно он себя вёл...

Значит, те странные взгляды Учителя Гу означали именно это...

В этот момент Инь Чжоу — наглец лишь на словах — густо покраснел. Его голос предательски дрогнул:

— Э-э... ну... так мы же через пластырь... Это ведь меняет дело, правда?

К счастью, сегодняшний грим был довольно ярким, и краска на лице скрыла его истинное смущение. Мужчина лишь иронично выгнул бровь:

— Ты действительно так считаешь?

Инь Чжоу не знал, что ответить.

Он вспомнил, что даже Ся Лян настояла на использовании пластыря для железа. Само по себе это уже служило доказательством: к чужой железе нельзя прикасаться просто так.

Разве что обоим на это наплевать.

В памяти одна за другой всплывали совершённые им глупости. Юноша почувствовал себя крайне неуютно. Неловкость сковала его, он не знал, куда деться от стыда.

Вдруг Гу Цинсю решит, что он сделал это нарочно? Что у него какие-то извращённые наклонности?

Но если это так, то расплачиваться за его странные вкусы пришлось именно мужчине. И это никак нельзя было оправдать.

Инь Чжоу не находил слов.

«Не скажешь же: я вообще-то в курсе, что чужие железы трогать не комильфо, а ласкать свою на глазах у других — вообще за гранью, я просто на минутку об этом забыл. В такую чушь даже собака не поверит».

Он молчал, и Гу Цинсю с интересом наблюдал за ним. Сначала юноша выглядел совершенно сбитым с толку, затем в его глазах промелькнуло осознание, которое сменилось явным смущением. Парень то и дело украдкой поглядывал на него, но, встречаясь взглядом, тут же отворачивался.

Это было так непохоже на его прежнюю манеру всегда смотреть прямо в глаза.

«Неужели совесть проснулась?» — подумал Альфа.

Поскольку Инь Чжоу отвернулся, взгляд собеседника невольно упал на его ухо.

На бледной коже мочка сейчас казалась нежно-розовой. В свете софитов этот оттенок напоминал лепестки сакуры — такой же свежий и трепетный.

Гу Цинсю некоторое время не сводил глаз с этой части тела, а затем скользнул взглядом ниже, к шее юноши. Она тоже была залита стыдливым румянцем.

Этот розовый прилив сливался с краснотой на затылке в одно сплошное полотно.

Взгляд Гу Цинсю застыл.

«Надо же, он умеет смущаться».

Инь Чжоу неловко потёр ухо и выдавил:

— Да... признаю. Я вёл себя неподобающе.

От его прикосновений кожа покраснела ещё сильнее. Гу Цинсю с нескрываемым удовольствием наблюдал за этой картиной. Чувствуя явное замешательство партнёра, он не удержался от усмешки:

— Вспомнил-таки правила приличия?

Инь Чжоу кивнул:

— Вспомнил.

— Раскаиваешься?

— Да. Это была моя ошибка.

Он был на редкость покладист. Актер видел лишь его плотно сжатые губы.

Улыбка на лице Альфы стала шире. Видеть этого дерзкого юношу в таком состоянии было истинным наслаждением, и он решил продолжить игру:

— Что ж, тогда просвети меня: в чём именно заключается твой проступок?

Инь Чжоу некоторое время хранил молчание, а затем сокрушённо произнёс:

— Это было посягательство с моей стороны... Фактически, я совершил над вами непристойный поступок. Прошу прощения.

Гу Цинсю, ожидавший услышать невнятные извинения или увидеть ещё большее смущение, буквально поперхнулся.

Прошло несколько секунд, прежде чем он, едва ли не скрипя зубами, переспросил:

— Ты уверен в формулировке?

Инь Чжоу решил, что тот требует от него полного признания вины, и без колебаний подтвердил:

— Абсолютно. Я навязал вам это. Учитель Гу, я не собираюсь увильнуть от ответственности. Можете на меня рассчитывать.

Наконец он решился посмотреть на собеседника. Ну конечно, лицо актера было темнее тучи — он, верно, едва сдерживался, чтобы не проучить наглеца.

Раньше Инь Чжоу не понимал, почему тот так реагирует, но теперь всё встало на свои места. Если бы кто-то перед ним начал мять свою железу, а потом ещё и потянул бы его руку для массажа... он бы точно не церемонился.

Чем больше он об этом думал, тем сильнее презирал себя. Какой наглец! Гу Цинсю — благородный Альфа, он ведь не раз его предупреждал. Причём делал это деликатно, не выказывая открытого пренебрежения. Более того, он сам наклеил ему успокаивающий пластырь и проявил участие, спросив про период восприимчивости.

Не зря его считают самым галантным Альфой в индустрии. Он действительно замечательный человек.

А что же он, Инь Чжоу? Он ведь даже на съёмках умудрялся ему угрожать!

— Учитель Гу, я готов выполнить любую вашу просьбу! Без всяких условий. Только скажите.

Встретившись с этим предельно искренним взглядом, Альфа почувствовал себя окончательно обезоруженным. Он лишь раздражённо бросил:

— Ответственность? Какая ещё ответственность? Уж лучше не берись ни за что, всё равно только дров наломаешь.

Инь Чжоу тут же парировал:

— И вовсе нет! Только дайте поручение, и я расшибусь в лепёшку, но выполню его!

Гу Цинсю с каменным лицом произнёс:

— Для начала скажи мне что-нибудь приятное.

Юноша искренне удивился:

— И всё?

Глаза собеседника опасно сузились.

Инь Чжоу мгновенно сориентировался:

— Понял! Сейчас будет.

Он на мгновение задумался. Приятное... Приятных слов на свете много, но обычная лесть Учителя Гу не проймёт. Нужно что-то личное.

Но Гу Цинсю наверняка слышал в свой адрес столько дифирамбов, что его уже тошнит от них. Пустые фразы тут не помогут.

К тому же, Учителю Гу явно нужно выпустить пар. Он долго терпел строптивость младшего коллеги, так что пришло время дать ему повод для триумфа. А значит, нужно признать его превосходство!

И сделать это максимально искренне!

А что может быть искреннее, чем то, в чём он сам убедился? То, чему он по-настоящему завидовал?

Внезапное озарение озарило разум Инь Чжоу. Есть!

На фоне шума съёмочной площадки парень поднял на партнёра сияющие глаза. С лёгкой улыбкой он легонько постучал по доспеху на талии Гу Цинсю и с абсолютной уверенностью

произнёс:

— Учитель Гу, ваш пресс — это нечто. Лично проверено Альфой! Мой и рядом не стоял. Признаю своё полное поражение. Я в искреннем восторге!

Гу Цинсю: — ...

Ну вот, он так и знал.

<http://bllate.org/book/15873/1500212>